

Залевская А.А.,
д-р филол. наук,
проф.
Тверской
государственный
университет,
Россия

Участник
конференции,
Национального
первенства по
научной аналитике,
Открытого
Европейско-
Азиатского
первенства по
научной аналитике

ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА И МЕТАФОРА «ЖИВОЙ ПОЛИКОДОВЫЙ ГИПЕРТЕКСТ»

УДК 81'23

Значение слова в лексиконе человека идентифицируется посредством включения во внутренний контекст живого поликодового гипертекста – мультимодального продукта переработки разнообразного опыта познания и общения, который формируется и функционирует как многоуровневая самоорганизующаяся динамическая функциональная система кодов и кодовых переходов. Необходимость учёта (на разных уровнях осознаваемости) более или менее широкой сети эмоционально-оценочно маркированных выводных знаний и переживаний регулируется потребностями текущей ситуации естественного семиозиса и реализуется по множеству признаков разных модальностей.

Ключевые слова: значение слова, лексикон индивида, внутренний контекст, поликодовый текст, гипертекст, естественный семиозис.

Word meaning in a mental lexicon is identified in a certain inner context and mediates access to a personal polycode hypertext as a multimodal product of information processing, a multilevel self-organizing functional dynamic system of codes and code switching activity. The current situation of natural semiosis regulates the necessity of activating (at different levels of consciousness) more or less wide ranges of inferential knowledge which is evaluative-emotionally marked and evoked by multiple links based on dimensions and features of various modality.

Keywords: word meaning, mental lexicon, inner context, polycode text, hypertext, natural semiosis.

Вводные замечания

Известно, что идея гипертекста возникла в результате очередной попытки учёных «подсмотреть» у природы оптимальный способ организации некоторого вида деятельности, а именно – попытаться имитировать принципы работы мозга человека для повышения эффективности обмена информацией в современных условиях, позволяющих использовать всё новые достижения техники. В то же время представляется важным наличие теории, способной объяснить специфику ментального гипертекста и тем самым способствовать дальнейшему совершенствованию новых информационных технологий. Поскольку возможная теория такого типа была ещё в 1970-е гг. разработана в целях выявления принципов организации внутреннего лексикона человека (см.: [Залевская 1977; 1982; 1988; 1990; 1992; 2005; 2007; 2011; 2012а; 2012б]), ниже рассматриваются основные особенности единой информационной базы индивида как самоорганизующейся функциональной динамической системы – продукта переработки опыта познания и общения в процессе адаптации индивида к естественной и социальной среде. Особое место при этом отводится роли идентификации слова через его включение во внутренний контекст и двойной жизни значения слова (в социуме и в ментальном лексиконе), поскольку именно через социально закреплённое за словом значение индивид выходит на образа мира, который

в плане организации и принципов навигации может трактоваться как живой поликодовый гипертекст, вне которого никакое понимание или взаимопонимание реализоваться не может.

Специфика живого поликодового гипертекста

Теория специфики индивидуального поликодового гипертекста фактически была сформулирована в публикации [Залевская 1977], где речь идёт о слове как средстве доступа к единой информационной базе человека – системе «кодов и кодовых переходов» (термин Н.И. Жинкина). Особенности этой системы (включая специфику входящих в неё единиц и принципы их организации) выводились из анализа путей переработки человеком вербального и невербального опыта познания и общения, что в сочетании с анализом результатов многолетнего экспериментального исследования привело к заключению о слитости слова у индивида с эмоционально-оценочно маркированными продуктами перцептивных и когнитивных процессов. Была также разработана модель процесса речемыслительной деятельности, постулирующая функционирование разнокодовых единиц в зависимости от этапа обсуждаемого процесса (от единиц высшего уровня обобщения, маркирующих компрессию смысла при формировании образа результата речемыслительной деятельности, до признаков и признаков признаков, определяющих направление поиска при вы-

боре слов и речевых моделей, а также на этапе речевой реализации). Тем самым рассматриваемая теория была с самого начала ориентирована на объединение в единую систему разнокодовых продуктов переработки индивидом его опыта взаимодействия с естественной и социальной средой. Обратим внимание на то, что такая трактовка хорошо согласуется с современными представлениями об архитектуре мозга и о специфике мозговой деятельности человека (см., например, [Голдберг 2003]).

Дальнейшее уточнение и развитие рассматриваемой теории шло по ряду направлений, из которых можно особо отметить следующие.

С опорой на работы И.М. Сеченова, Л.С. Выготского, Л.В. Щербы, Н.И. Жинкина было показано, как через переработку многообразного опыта при множестве глубинных переходов слово начинает играть роль, сходную с ролью лазерного луча при считывании голограммы. Известно, что голограмма характеризуется, в частности, объёмностью и тем, что по её части можно восстановить целое, повернуть это целое разными гранями, увидеть его в разных ракурсах. Подобно этому слово «высвечивает» в индивидуальном образе мира некоторый объект (действие и т.д.) при обязательной включённости в некоторую ситуацию, при этом и объект, и ситуация могут обернуться любой гранью при изначально подразумеваемой (на разных уровнях осознаваемости) целостности и эмоционально-оценочной поме-

ченности. Образ лазерного луча при считывании голограммы должен был акцентировать внимание на том, что для пользователя языком в естественных ситуациях (в отличие от условий лингвистического анализа) важно не слово само по себе, а именно то, что стоит за словом, т.е. хранится в памяти и может быть из неё извлечено во всём богатстве установленных сущностей, их многомерных связей и отношений между ними.

В работе [Залевская 1982] было сделано уточнение специфики слова в индивидуальном лексиконе как точки пересечения множества связей по различным основаниям (продуктам переработки перцептивного, когнитивного и эмоционально-оценочного опыта), в том числе не только по существенным признакам именованных объектов (действий, состояний и т.д.), но по всем возможным видам признаков и, более того, по признакам признаков, каждый из которых может оказаться важным (существенным, характерным, актуальным) для некоторой личности в определённой ситуации. В книге [Залевская 1990] был обобщён опыт экспериментальных и дальнейших теоретических изысканий в области лексикона человека, а в [Залевская 1988] описательным путем введена спиралевидная модель идентификации слова и понимания текста, призванная показать всё расширяющиеся круги связей, выводных знаний и сопровождающих их переживаний, которые обеспечивают взаимопонимание при общении благодаря «раскручиванию» гипотетической спирали в двух направлениях: в прошлый опыт и в прогнозирование дальнейшего развёртывания ситуации по всем возможным линиям, из которых выбирается какая-то наиболее подходящая для текущего момента (по принципу «для меня – здесь – сейчас»). Соответствующий рисунок трёхмерного пространства (с пересечением осей «внешний контекст», «внутренний контекст» и «картина мира») был введён в книгу [Залевская 1999: 246] с последующим указанием на то, что представленную на этом рисунке ось «картина мира» следует называть «образ мира», чтобы избежать смешения понятий «индивидуальный образ мира» (т.е. психический феномен) и «языковая картина мира» (т.е. продукт научного описания того, что закреплено языковы-

ми средствами и нашло отображение в текстах культуры) (см.: [Залевская 2007: 167]).

К числу важных для уточнения понятия единой информационной базы человека относится книга «Индивидуальное знание: специфика и принципы функционирования» [Залевская 1992], в которой фактически произошел переход на другое наименование, хотя по сути первоначальная трактовка того, что лежит за словом у носителя языка, не изменилась. Термин «индивидуальное знание», с одной стороны, продолжает акцентировать внимание на принадлежности знания (ранее – единой информационной базы) человеку как субъекту деятельности и личности, а с другой – противопоставляет индивидуальное знание знанию коллективному. Принципиально важным является подразделение коллективного знания на два подвида: «коллективное знание – 1» и «коллективное знание – 2»; под первым понимается функционирующее в культуре коллективное знание-переживание, а под вторым – только зарегистрированная в артефактах часть такого знания (т.е. тем или иным образом материализованные продукты протекающих в культуре процессов получения знания и пользования им в различных сферах жизни общества). Было показано, что индивидуальное знание тесно связано с обоими подвидами коллективного знания, в то время как научный анализ, ориентированный исключительно на «коллективное знание – 2» (в том числе – на тексты, грамматику и словари), неизбежно оказывается редуционистским. Была также сделана попытка осмыслить двойную жизнь значения слова, обращённого одной своей ипостасью к социуму, а другой – к личности, с целью объяснения того, как названное в свое время единой информационной базой человека «работает» в процессах познания и общения, обеспечивая успешность или ошибочность референции на разных уровнях индивидуального сознания и подсознания.

Фокусированию на двойной жизни значения и на специфике значения слова как «живого знания» посвящены монографии [Залевская 2011; 2012a], где также рассматриваются вопросы методологии психолингвистического исследования лексики и приводятся некоторые примеры из моего обширного опыта

экспериментальных исследований с применением внутриязыковых и межязыковых / межкультурных сопоставлений.

Идентификации слова как включение во внутренний контекст

В лингвистических исследованиях контекст обычно трактуется как фрагмент текста, включающий избранную для анализа единицу, необходимый и достаточный для определения значения этой единицы. Такая дефиниция явно ориентирована на цели научного анализа, на работу с текстом как таковым. Иной акцент (не на тексте, а на сути именуемого) наблюдается в определении контекста как фона функционирования некоторой сущности, релевантного для её понимания [Васильева и др. 1995: 52]. Заметим, что в данном случае имеет место фактический выход за рамки лингвистики.

Если ставится задача через слово (и с учётом двойной жизни значения) выйти на то, что лежит ЗА СЛОВОМ в лексиконе как функциональной динамической системе, обеспечивающей принципиальную возможность доступа к образу мира индивида, то в качестве контекста выступит фон для идентификации некоторой сущности, а именно – некоторая проекция голограммы образа мира, которая увязывается со словом, имеющим смысл только при наличии такого фона. Мало назвать такой фон «экстралингвистическим знанием», необходимо понять специфику такого знания/переживания – ЖИВОГО ЗНАНИЯ как достояния ЧЕЛОВЕКА, к тому же не просто НОМО LOQUENCE – «человека говорящего», но ИНДИВИДА (как представителя вида и как личности), познающего мир, чувствующего и эмоционально-оценочно помечающего всё воспринимаемое, в том числе и связанное со словом – важнейшим инструментом познания, общения, адаптации к естественной и социальной среде. В такой ситуации для носителя языка слово сливается с именуемой им вещью (вспомним неоднократные высказывания Н.И. Жинкина о том, что слыша речь, мы думаем не о словах, а о действительности, см.: [Жинкин 1982]).

Иначе говоря, если для лингвистики как науки в центре внимания вполне естественно и закономерно находится ИМЯ

вещи, то для обычного носителя языка не менее естественно и закономерно главным оказывается имя ВЕЩИ (в широком смысле, т.е. речь идёт о любом объекте, действии, ситуации, качестве и т.д.). Но любая ВЕЩЬ существует не сама по себе, она не только представляет собой определённую сущность, но и имеет специфические признаки, выполняет те или иные функции, включена в какие-то необходимые или возможные ситуации, предполагающие как предшествующие условия и импликации, так и последующие следствия и т.д., а главное – любая ВЕЩЬ имеет некоторый СМЫСЛ, ту или иную значимость для индивида как личности, что переживается в плане соответствующей маркированности (обратим внимание на то, что «ни хорошо, ни плохо» – тоже определённая и вполне значимая метка). Как бы то ни было, но идентификация слова как имени ВЕЩИ требует обращения к образу мира, вне которого слово остаётся «пустым». То, в какой мере (до какого уровня «глубины») требуется актуализация лежащих за словом знаний и переживаний (т.е. раскручивается постулируемая мною спираль идентификации слова и понимания текста), определяется конкретной ситуацией естественного семиозиса (это же, кстати, наблюдается и при использовании комплекса экспериментальных процедур, именуемого мною психолингвистическим портретированием лексики: в зависимости от требуемого заданием уровня метаязыковой активности испытуемых всплывают весьма различающиеся глубинные контексты, см. подробнее: [Залевская 2011; 2012а]).

Иными словами, для индивида в естественной обстановке изолированного слова не существует – даже услышанное без вербального и/или ситуативного контекста оно неизбежно актуализирует (на разных уровнях осознанности) некоторую ситуацию, представление об объекте и т.п. с расширяющимися кругами выводных знаний, которые наше подсознание услужливо готовит к использованию в случае необходимости. При этом целостность человека (взаимодействие его тела и разума, невозможность отрыва продуктов перцептивных и когнитивных процессов от эмоционально-оценочных переживаний, постоянная опора на знание о том, как устроен мир, чего можно ожидать в той или иной ситуации, к чему могут привести те

или иные действия и т.д.) и постоянная включённость индивида в те или иные естественные и социально-культурные «контексты» обеспечивают возможность удивительного и загадочного феномена эмергентности, благодаря которому на пересечении трех фундаментальных осей: ИНДИВИД (ЛИЧНОСТЬ), ФИЗИЧЕСКИЙ МИР (ЕСТЕСТВЕННАЯ СРЕДА), СОЦИАЛЬНЫЙ МИР (КУЛЬТУРА) возникает СМЫСЛ, не являющийся простой суммой значений слов, посредством которых можно было бы описать некоторое событие.

Иначе говоря, главное при исследовании процесса идентификации слова – не сам по себе факт наличия или отсутствия у предъявляемого слова некоторого вербального (т.е. «материализованного», «внешнего») контекста в его традиционной трактовке, а ориентация на выявление действий и операций, а также вербальных и невербальных опор, обеспечивающих выход индивида на глубинные связи и отношения, образы и обобщения, признаки и признаки признаков объектов, ситуаций и т.п., благодаря чему происходит идентификация слова как понимание/переживание смысла, на который указывает (или намекает) предъявленное в эксперименте слово.

Заключение

Итак, живой поликодовый гипертекст формируется нейрофизиологическими и психическими механизмами переработки информации в естественном и социальном окружении человека при постоянно изменяющихся условиях взаимодействия комплекса внешних и внутренних факторов. Успешность такой переработки и соответствие получаемых продуктов потребностям текущей ситуации достигаются за счёт выхода (через посредство социально принятого значения слова) на систему кодов и кодовых переходов, в своей совокупности обеспечивающих целостность образа мира при учёте (на разных уровнях осознанности) множественных выводных знаний и переживаний, уязвляемых посредством опоры на эмоционально-оценочно маркированные признаки и признаки признаков тех или иных сущностей (объектов, действий, состояний, качеств и т.д.). В тот или иной момент времени любая из

таких опор может оказаться актуальной для личности, выступая в функции своеобразного «гэга» для актуализации определённого направления пути поиска в многомерной сети внутрикдовых и межкдовых связей.

Именно такая возможность лежит в основе эвристического поиска, способствует формированию эффекта эмергентности через опору на живой поликодовый гипертекст.

Литература:

1. Васильева Н.В., Виноградов В.А., Шахнарович А.М. Краткий словарь лингвистических терминов. М., 1995. 175 с.
2. Голдберг Э. Управляющий мозг: Лобные доли, лидерство и цивилизация / Пер. с англ. Москва, 2003. 335 с. / URL: <http://the-fifth-way.narod.ru/ExecutiveBrain/index.htm>
3. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М., 1982. 157 с.
4. Залевская А.А. Проблемы организации внутреннего лексикона человека. Калинин, 1977. 83 с.
5. Залевская А.А. Психолингвистические проблемы семантики слова. Калинин, 1982. 80 с.
6. Залевская А.А. Понимание текста: психолингвистический подход. Калинин, 1988. 95 с.
7. Залевская А.А. Слово в лексиконе человека: Психолингвистическое исследование. Воронеж, 1990. 206 с.
8. Залевская А.А. Индивидуальное знание: специфика и принципы функционирования. Тверь, 1992. 134 с.
9. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М., 1999. 382 с.
10. Залевская А.А. Психолингвистические исследования: Слово. Текст: Избранные труды. Москва, 2005. 542 с.
11. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. 2-е изд. Москва, 2007. 560 с.
12. Залевская А.А. Значение слова через призму эксперимента. Тверь, 2011. 240 с.
13. Залевская А.А. Двойная жизнь значения слова. Теоретическое и экспериментальное исследование. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2012a. 278 с.
14. Залевская А.А. Значение слова в индивидуальном лексиконе // *Przegląd Wschodnioeuropejski*. 2012b. Vol. III. S. 479–493.